

ИЗЪ ЯПОНИИ.

Клиперъ «Джизитъ», 1859 года.

Мы вышли изъ Шанхая послѣ полдня 31 Декабря. На ночь стали на якорь въ Вуссунгѣ, чтобы съ разсвѣтомъ идти въ море, гдѣ встрѣтили *НО*, который замедлилъ нашъ переходъ до Нагасаки. На четвертый день утромъ мы подошли къ бухтѣ. Погода стояла чудная. Холмы, острова, одинъ другаго красивѣе, одинъ другаго прихотливѣе, начали какъ кулисы выдвигаться съ обѣихъ сторонъ; а передъ носомъ, грозный своимъ воспоминаніемъ, покрытый чудною зеленью, Папенбергъ запиралъ бухту. Наконецъ онъ посторонился, и намъ открылся второй, а потомъ и третій рейдъ. На островахъ и на берегу—то ущелье, то полянка, то—уступами поднимающіяся до вершинъ горъ, пашни съ яркимъ зеленымъ ковромъ, такъ и манятъ въ глубину бухты, гдѣ между мачтами судовъ, мы глазами искали «Аскольда». Онъ стоялъ разруженнымъ за мыскомъ, въ углубленіи берега. Мы застали на якорѣ «Стрѣлокъ», нѣсколько американскихъ и англійскихъ купцовъ и, къ удивленію нашему, три винтовыхъ корвета, пароходъ, транспортъ и два тендера подъ японскими флагами. Одинъ корветъ и транспортъ принадлежать здѣшнему владѣтельному князю.

Насъ тянуло на берегъ погулять и посмотреть, какъ устроились аскольдскіе. Они живутъ въ храмѣ (къ которому пристроены бараки для команды), со всею роскошью сельской жизни—со своимъ скотнымъ дворомъ, баней и къ довершенію, на самомъ живописномъ мѣстѣ. На дворѣ стояли орудія. Къ храму прилѣпились бараки и палатки японскихъ купцовъ съ товарами. Надо всѣмъ этимъ бойко и весело развѣвается русскій флагъ, какъ будто дразнить другой, поднятый по ту сторону залива, на Децимѣ,—островѣ, видѣвшемъ странный примѣръ мелочности, терпѣнія и униженія національной гордости изъ за торговаго интереса.

На другой день аскольдскіе угостили насъ, по русскому

обычаю, баней въ палаткѣ изъ парусовъ, въ которой мы, на бамбуковомъ полкѣ, парились лавровыми и апельсинными вѣниками.

Мы ѣздили осматривать японскій корветъ *Едо*, и чрезъ нѣсколько часовъ командиръ его отдалъ намъ визитъ. Окончательно—Японцы, съ самаго края свѣта, черезъ весь Востокъ, шагаютъ къ Западу. Командиръ *Едо* явился въ лакированныхъ башмакахъ, замшевыхъ перчаткахъ и, не заставши капитана дома, оставилъ карточку съ загнутымъ уголкомъ. Узнайте здѣсь прежнихъ Японцевъ!

Я былъ у здѣшняго начальника голландской факторіи, капитана Донкера. Въ залѣ, убранной старинными креслами и двухъ-вѣковыми картинами, меня встрѣтилъ хозяинъ, съ огромнымъ листомъ газеты въ рукахъ. Я прервалъ его, методически расположенные для занятій часы. Обыкновенный костюмъ голландскихъ фермеровъ, дополняла, вышитая бисеромъ, съ длинной кистью, ермолка и коротенькая трубочка въ зубахъ. Отъ комнатъ и хозяйна такъ я нахло картиной голландской школы. Донкеръ очень порядочно говоритъ по французски. Теперь Голландцы очень дѣятельно занимаются описью здѣшнихъ береговъ. Уже есть нѣсколько готовыхъ картъ восточнаго берега, которыя дополняютъ атласъ Японіи и ближе познакомятъ, наконецъ, насъ съ этимъ огромнымъ архипелагомъ.

9 числа, мы пошли изъ Нагасаки—домой, т. е. въ Хакодате. Жаль было оставить чудную, живописную бухту. Въ Хакодате холодно, снѣгъ, а здѣсь при насъ снимали апельсины. Въ добавокъ, на «Аскольдѣ» готовились вынимать гротъ-мачту на стеньгахъ. Намъ не удалось видѣть и этой работы, занимавшей Аскольдскихъ и страшно интересовавшей насъ.

Этотъ переходъ былъ необыкновенно удаченъ, несмотря на свѣжіи N вѣтеръ, который встрѣтилъ насъ въ морѣ, и помѣшалъ итти Фирандскимъ проливомъ. Вѣтеръ этотъ дулъ во все время нашего перехода, изрѣдка перемежаясь штилемъ. За Корейскимъ проливомъ насъ встрѣтили морозы, и черезъ

10 дѣй лабиринта ны, замерзшіе, съ корою льда на борту и на палубѣ, вошли въ Хакодате.

Скучно было смотрѣть на него. На рейдѣ одинъ «Пластунъ», со спущеннымъ рангоутомъ, берега и горы покрыты пушистымъ бѣлымъ одѣяломъ. Одна, вѣчно зеленая, кедровая роща надъ городомъ, бѣжитъ по горѣ и деревья чѣмъ ближе къ вершинѣ горы, тѣмъ рѣже и рѣже, какъ будто устаютъ гнаться за болѣе приткими. Но мы принесли съ собою хорошую погоду. Снѣгъ началъ таять; за городомъ, на нерешейкѣ, показались проталинки, первые предвозвѣстники весны. Все начало оживать и *весниться*, какъ говорятъ очень удачно Японцы, а мы, въ ожиданіи весеннихъ прогулокъ, приготовлялись къ блистательному окончанію зимы. Готовили «Ревизора», маскарадъ, дамскій пикникъ въ лазаретѣ и издавали «Сплетникъ», еженедѣльный судовой журналъ. Все это не могло не удался, потому что мы хотѣли веселиться и кое-какъ коротать остатокъ зимы.

Съ великимъ постомъ—новое занятіе. При консульствѣ строилась церковь. Дамы украшали ее, а наши живописцы писали образа. Всѣ душевно принимали участіе въ постройкѣ перваго христіанскаго храма въ Японіи, черезъ 221 годъ послѣ изгнанія христіанъ. Въ 1543 году, португальцы въ первый разъ явились въ Японію. Это были Антоніо Мота и Франческо Зеймото, португальскіе мореплаватели занесенные на остр. Танега-Сима. Промышленные Японцы были рады торговлѣ съ иностранцами, привезшими имъ новые товары, и скоро Португальцы обжились и даже поженились на Японкахъ. Черезъ шесть лѣтъ Францискъ Ксавье началъ проповѣдывать Евангеліе. Іезуитскіе миссіонеры могли свободно провозглашать слово Божіе, посреди народа склоннаго къ принятію новыхъ идей. Число слушателей и окрещенныхъ увеличивалось болѣе и болѣе, наконецъ успѣхъ іезуитовъ увеличилъ христіанскій міръ и представлялъ блестящую перспективу совершеннаго утвержденія христіанства въ Японіи. Въ числѣ слушателей іезуиты видѣли даже малолѣтняго Хиде-Іори, наследника престола Сіюгуна. Но опекунъ его, князь Іе-Ясу, до-

бился милости Микадо — духовнаго императора, — успѣлъ выхватить у своего питомца престолъ и объявилъ ему войну. Хиде-Юри поддерживали иезуиты, и это погубило ихъ. Хиде-Юри пропалъ, а Ие-Ясу, достигнувъ престола, началъ преслѣдовать христіанъ съ необыкновенною жестокостью. Начался рядъ гоненій. Всѣмъ христіанамъ велѣно было выѣхать изъ Японіи или отречься. Окрещенные Японцы, непоколебимые въ вѣрѣ, вспомнили мучениковъ и съ радостью умирали на висѣлицахъ и на крестѣ. Это продолжалось сорокъ лѣтъ. Наконецъ въ 1638 году былъ нанесенъ послѣдній ударъ: казнили 37 тысячъ христіанъ, оставшихся въ провинціи Арима. Это было послѣднее дѣйствіе кровавой трагедіи. Португальцы послали изъ Макао блестящее посольство, но ни права людей, ни неприкосновенность посла не остановили жестокости японскаго правительства. Всѣмъ членамъ посольства отрубили головы, а слугамъ показали ихъ на шестахъ, съ слѣдующею надписью: *Чтобы никто, покуда солнце освѣщаетъ землю, не осмѣливался приходить въ Японію, даже съ титуломъ посла; и чтобы этотъ указъ, подѣ страхомъ смерти, никѣмъ не отмѣнялся. Даже самъ Богъ христіанъ подвергнется тому же, и еще съ большою жестокостью, если преступитъ этотъ законъ.* Слуги были отпущены, чтобы рассказать объ участи посольства.

Оставшимся Голландцамъ не позволяли совершать богослуженія, даже на корабляхъ; тѣла умершихъ бросались въ море, приказано срыть дома, на которыхъ былъ написанъ годъ постройки по христіанскому лѣтосчисленію. Даже былъ установленъ обычай попиранія ногами изображеній Распятаго Христа и Богородицы.

И черезъ два слишкомъ столѣтія, этотъ поправный крестъ снова воздвигся. Намъ, только что не давно видѣвшимъ Папенбергъ, съ котораго бросали католическихъ монаховъ въ море, удалось присутствовать при освященіи христіанскаго храма, поставленнаго во имя Воскресенія, а на другой день видѣть въ этомъ храмѣ Португальца (матроса съ китобойнаго судна) молящагося между нами. Странная случайность.

Къ Маю мѣсяцу Хакодате принялъ новый, еще незнакомый намъ, видъ. Горы покрылись свѣжей зеленью, только нѣсколько клочковъ снѣга на сѣверныхъ высотахъ бухты, да темная зелень все той же рощи напоминали о зимѣ. Прогулки въ городѣ сдѣлались продолжительнѣе, получили новую привлекательность, и въ каютъ-компаніи появились цвѣты. Рейдъ между тѣмъ опустѣлъ. Китобои ушли въ Охотское море, «Пластунъ» у описи—у дѣла, одинъ «Джигитъ» все еще стоитъ и ожидаетъ приказанія итти въ Николаевскъ. Но приходъ стараго нашего знакомца, голландскаго корвета *Bali*, перемѣнилъ и мысли, и дѣла. Мы видѣли *Bali*, въ прошломъ году, еще въ Гонъ-Конгѣ, гдѣ онъ былъ на станціи. Онъ былъ посланъ осмотрѣть открытые для Европейцевъ японскіе порта, былъ въ Нагасаки, Канагавѣ, Симодѣ, зашелъ сюда и запасшись углемъ поидетъ въ Нигату, новый портъ, который долженъ открыться для иностранцевъ 1-го Юля. Нашъ консулъ приказалъ намъ готовиться итти туда же. Лучшаго сюрприза мы не могли ожидать; тотчасъ же добавили воды и угля, перевезли съ нашего скотнаго двора въ Камитѣ, куръ и корову, и черезъ два дня были готовы.

Въ это время мнѣ удалось съѣздить на свинцовые рудники. Нашъ консулъ и американскій, г. Райсъ, давно собирались осмотрѣть ихъ. Голландскій капитанъ Фанъ-деръ Капелленъ, я и два японскихъ чиновника присоединились къ нимъ. Можетъ быть въ глазахъ Японцевъ эти чиновники и играли роль нашихъ стражей, это все еще политика японскаго правительства, но присутствіе ихъ избавило насъ отъ хлопотъ въ отысканіи проводника и доставило возможность видѣть рудники и работы въ всей подробности. Мы смотрѣли съ восточной, а съ западной точки зрѣнія. Гордый Англичанинъ, выученный въ Китаѣ, чтобы не унижить своего достоинства, не поѣхалъ бы совсѣмъ. И правъ! Съ первымъ знагомъ на востокъ, Европейецъ долженъ перемѣнить легкій костюмъ непринужденности на тяжелый халатъ внѣшности. Охасси, старшій изъ чиновниковъ, досталъ мнѣ лошадь изъ губернаторской конюшни и, въ 6 часовъ утра, мы трону-

лись. Намъ предстояло сдѣлать 7 ри, т. е. 16 миль, до Намари-яма (свинцовая гора).

Эта гора, называвшаяся прежде Ицино-ватари-яма (первый переходъ въ горы Ицино) лежитъ на NtW отъ Хакодате и составляетъ, какъ видно изъ названія, входъ въ пѣнь горъ Ицино. Ровная, песчаная и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ твердая, какъ шоссе, дорога по перешейку и по берегу бухты до деревни Оно, въ $5\frac{1}{2}$ ри отъ Хакодате, не представляетъ ничего интереснаго. На лѣво бухта, на право большія поля, за которыми возвышаются покрытыя синею горы. За милю до Оно, дорога поворачиваетъ къ горамъ. Оно — большая деревня, у подошвы горы, вся утонувшая въ садахъ. Мы въѣхали въ нее, между огромными грушевыми деревьями, покрытыми бѣлымъ цвѣтомъ, какъ снѣгомъ, и остановились въ чистенькомъ заѣзжемъ домѣ. Маленькая чашка зеленого чая, безъ сахара, была «прошу пожаловать» нашихъ постоялыхъ дворовъ. Охасси или mister Bridge, т. е. г. Мостъ, какъ называетъ его г. Райсъ, (хасси по японски—мостъ) угощалъ насъ крутыми яйцами, хлѣбомъ изъ муки на яйцахъ съ сахаромъ, единственными удобствѣдомыми произведеніями японской кухни, и саки. Лошади отдохнули, и мы отправились далѣе. За Оно декорации мѣняются. Только что выѣхали изъ грушевыхъ садовъ въ долину, услышали шумъ рѣки Ари-гава, которая течетъ между горами, огибаетъ Оно и впадаетъ въ бухту. Остальные $1\frac{1}{2}$ ри до Намари-Яма, идутъ по тропинкѣ, которая лепится по горамъ. Она, то круто подымается и виситъ надъ шумящей рѣкой, то спускается въ лощину, то пересѣкаетъ капризную Ари-гаву, которая рвется, пѣнится въ порогахъ, перескакиваетъ черезъ камни и быстро огибаетъ покрытые зеленою островки. Давно не случалось мнѣ дѣлать береговыя прогулки, и эта — имѣла для меня особенную прелесть. По бокамъ тропинки стоитъ не разнообразная, но густая зелень деревьевъ, стволы которыхъ покрыты вьющимся дикимъ виноградомъ или совершенно скрываются подъ зеленою поленики, сплетающей деревья,

Переѣхавъ во второй разъ въ бродъ, на правой березѣ Ари-гавы, мы поднялись въ гору. Слева отъ тропинки бьетъ каскадомъ ручеекъ мутной воды, первый предвозвѣстникъ рудниковъ. На половинѣ высоты горы показались строепія, и мы вошли къ смотрителю, который тоже встрѣтилъ насъ чаемъ. Мы сняли сюртуки, надѣли коротенькіе халаты изъ грубой ткани, и поднялись по склону горы къ галлерейамъ. Передъ входомъ, каждому дали по двѣ зажженныхъ, виноградныхъ вѣтки. Коридоры очень низки, обдѣланы досками и бревнами, между которыми просачивается вода, и ручьемъ бѣжитъ по дну. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже вся ступня уходитъ въ воду. Въ глубинѣ, коридоры поднимаются къ верху, по просѣченнымъ въ камнѣ ступенямъ, съ которыхъ также падаетъ вода и посылаетъ брызги прямо въ лицо. Прибавьте къ этому дымъ, отъ безпрестанно гаснувшихъ факеловъ, и то, что идти нужно согнувшись, какъ говорится, въ три дуги, и будете имѣть понятіе о всей некомфортности этого осмотра. Руду ломаютъ кирками, въ четырехъ мѣстахъ, голые Японцы въ водѣ, освѣщаемые тѣми же виноградными вѣтками. Наконецъ осмотръ кончился, мы вышли на тропинку, выше входа, и съ наслажденіемъ выпрямились и вздохнули чистымъ воздухомъ. Свиному здѣсь очень много; онъ соединенъ съ полевымъ шпатомъ. Въ камнѣ кажется есть нѣсколько сѣры. Отломанную руду толкутъ молотами и нѣсколько разъ промываютъ руками въ плоскихъ, камышевыхъ ситахъ. Очищенную такимъ образомъ руду, кладутъ въ ямы, покрываютъ древеснымъ углемъ и расплавляютъ. Потомъ снимаютъ уголь и свинецъ выливаютъ въ формы въ 53 фунта. При этой переплавкѣ теряется 10 процентовъ. Для полученія чистаго свинца куски эти снова переплавляютъ, и отливаютъ въ длинныя пластинки. При этомъ теряется 40 процентовъ и получается отличный свинецъ. Такимъ образомъ вся потеря простирается до 50%.—очень мало въ сравненіи съ рудниками Европы и Америки. Цѣна свинца 600 двени т. е. 16 коп. сер. за фунтъ. Въ здѣшней рудѣ есть маленькая примѣсь серебра, но Японцы, по словамъ ихъ,

не отдѣляютъ его. Можетъ быть они и не умѣютъ отдѣлить, а можетъ быть добытое серебро, тайно идетъ въ пользу чиновниковъ, у которыхъ также, какъ говорятъ, ладони очень липки. Какъ видно обработка руды здѣсь производится самыми первобытными средствами. Японцы говорили, что она началась 1½ года тому назадъ, но по длинѣ корридоровъ при обыкновенной медленности японскихъ работъ, трудно повѣрить этому. Одинъ изъ Японцевъ проговорился, что работа началась уже четыре года. Это вѣрнѣе! Мы старались узнать сколько свинца добывается ежегодно, но отвѣтъ на это былъ бы окончательнымъ преступленіемъ противъ японской политики. Они отвѣчали, что такъ какъ постоянной работы нѣтъ, а добываютъ свинецъ по мѣрѣ надобности, то не могутъ знать количества ежегодной добычи. Вслѣдъ за такимъ отвѣтомъ Японцы стали спрашивать о рудникахъ Европы и Америки, о количествѣ потери металла при его отдѣленіи отъ составныхъ частей и проч. Японскіе чиновники вообще не любятъ говорить о богатствѣ своей страны. Голландскій капитанъ разсказалъ при этомъ, что Канагава, портъ открываемый, по трактату, иностранцамъ, переносится на другую сторону бухты, миль на 40 отъ прежняго мѣста. Японцамъ говорятъ, что для этого нужно перевезти магазины, построить пристани, проложить новыя дороги, что все это потребуетъ много денегъ. Они отвѣчали, что не жалѣютъ денегъ, лишь бы иностранцы не были близко къ столицѣ. А Канагава лежитъ на большой дорогѣ изъ Фудзіу въ Іеддо. Потомъ, когда *Vali* пришелъ въ Іеддо, капитанъ это судно объявилъ чиновникамъ, что онъ съѣдетъ съ офицерами осмотрѣть городъ. Японцы успѣшили сказать, что они позволяютъ, потому что это нужно для здоровья моряковъ, но чтобы они не говорили объ этомъ другимъ Европейцамъ. Посмотримъ долго ли продержатъ Японцы полурастворенными свои ворота, на которыя напираетъ толпа.

Черезъ день, 10 Мая вечеромъ, мы снялись съ якоря, и выйдя изъ пролива, взяли курсъ SSW, чтобы пройти между скалами *Bittern* и берегомъ. На утро увидѣли мысь Гама-

лѣя и полуостровъ Ога-сима. Мысь Гамалѣя казался низкой, плоской, обрубистой оконечностью, которая потомъ подымается довольно круто и идетъ равно возвышеннымъ берегомъ. Въ 2 часа, съ вантъ, увидѣли скалы Bittern на W въ 10 миляхъ. 12 числа, въ широтѣ $39^{\circ} 08'$, долготѣ $139^{\circ} 19'$, увидѣли въ туманѣ, на SO 44° , ровный, слегка волнистый и обрывистый съ обѣихъ сторонъ берегъ, съ чернымъ отдѣльнымъ камнемъ на S отъ него, что мы приняли за берега бухты Кича (на Крузенштерна картѣ Kivuga). Потомъ, на SO 60° , образование береговъ осталось тоже, но на S отъ камня отдѣлились еще скалы; самая южная изъ нихъ казалась столбомъ. Въ 11 часовъ увидѣли островъ Ава-сима, означенный невѣрно, какъ на картахъ Крузенштерна, такъ на английскихъ (Ричардса) 1857 года и американскихъ commodora Перри 1855 года. Мы видѣли его на SO 45° въ 36 миляхъ. По южную сторону виднѣлось нѣсколько скалъ; по западную—небольшой утесистый островъ. Длина Ава-сима около $3\frac{1}{2}$ миль. Мы прошли между нимъ и островомъ Садо. Положеніе Ава-сама, опредѣленное приближенно, по нашему, должно быть $38^{\circ} 20' N$ и $139^{\circ} 14' O$. Послѣ полдня, увидѣли на SW 22° , въ 25 миляхъ, гору Ясыко-яма, казавшуюся тупымъ конусомъ, болѣе отлогимъ къ западной сторонѣ и гору Каузико-яма, выдающуюся немного къ O-ту отъ первой, и оканчивающуюся пикомъ выше Ясыко. На O отъ нихъ, открылся ровный, низменный берегъ Нигаты, на которомъ виднѣлись деревья и дома, между коими ясно выказывался входъ въ рѣку, наполненную джонками. Еще восточнѣе на маленькомъ возвышеніи виднѣлся городъ Аосима-яма. На глубинѣ 27 сажень вода перемѣнила свой цвѣтъ въ свѣтлозеленый, отсюда глубина начала уменьшаться и мы бросили якорь въ 3 миляхъ отъ Нигаты, на 7 сажняхъ, грунтъ черный песокъ, вода прѣсная, слегка солодковатая.

На другое утро былъ сдѣланъ промѣръ отъ клипера къ устью рѣки Синано-гава. Глубина медленно уменьшалась до 3 сажень. Съ глубины 5 сажень вода сдѣлалась совершенно прѣсною. Въ 1 милѣ отъ берега, послѣ 3 сажень начинаетъ

ся крутой баръ, глубина 6 футъ, безъ фарватера. За баромъ глубины опять начинаютъ увеличиваться и въ самомъ устьѣ къ правому берегу, 10 футъ; къ лѣвому, гдѣ стоятъ джонки, 6 и 7 футъ. Устье шириною около 3-хъ кабельтововъ. Теченіе до $2\frac{1}{2}$ узла. Весь берегъ по морю тянется на SW 54°.

Лѣвый берегъ отъ устья песчаный, заворачиваетъ сначала на SSW, потомъ на SW, до самаго города Нигаты, расположеннаго при впаденіи въ Синано-гава, отъ WSW, маленькой рѣчки, глубиною 12 футъ. Правый берегъ, у устья песчанъ, потомъ болотистъ, но приглубъ и идетъ на SotS, потомъ поворачиваетъ черезъ S къ SW, параллельно лѣвому берегу. Противъ втораго изгиба его, самое широкое мѣсто рѣки, около 6 кабельт. Въ этомъ мѣстѣ, справа, въ нее вливается рѣка Агано-гава, соединяющаяся при впаденіи съ другою, и отъ О—еще рѣка съ довольно широкимъ разливомъ, между рисовыми полями. Названія ее мы не могли узнать. Отъ Агано-гавы по берегу главной рѣки начинаются сады съ грушами и персиками. По срединѣ Синано-гавы, находятся двѣ отмели, съ 7 футовымъ—а дальше къ Нигатѣ, 12 фут. фарватеромъ между ими. Вторая отъ устья покрыта камышемъ. 4-хъ саженный совершенно чистый фарватеръ Синано гавы, съ песчанымъ грунтомъ, идетъ вплоть около праваго берега. Наблюденія были сдѣланы на правомъ берегу, около дома губернатора. Широта 37° 58' 51" N; долгота 139° 09' 45" O.

Нигата, очень большой городъ, и какъ говорятъ одинъ изъ самыхъ богатыхъ по торговлѣ. Мы были первыми Европейцами, которые посѣтили его, и потому легко вообразить впечатлѣніе произведенное нами: съ утра, только что шлюпки наши начали подходить къ берегу, народъ цѣлыми толпами сбѣгался къ устью. Спасибо только полиціи, которая помогла намъ спокойно сдѣлать наблюденія. Потомъ новая возня съ чиновниками, которые не хотѣли пустить насъ въ городъ. Интересно было посмотрѣть на ихъ лица, то умоляющія, то принимавшія серьезное выраженіе, которое вдругъ мѣнялось на выраженіе дѣтскаго любопытства, когда

нимъ бросалась въ глаза пуговица или бинокль. Они развлекались ими, разговаривали, но вспомнивъ, вѣроятно, о возможной участи своего брюха, снова принимались умолять. Такимъ образомъ мы прошли до города. Здѣсь новая тактика. Полиція начала очищать передъ нами дорогу, и такъ исправно, что улицы впереди казались вымершими, а сзади, какъ наплывающая волна прибой, шумѣли тысячи любопытныхъ. Мы замѣтили, что полиція гнала въ особенности женщинъ. Но онѣ-то и не выдержали. Изъ за приподнятыхъ или отодвинутыхъ ширмъ виднѣлись бойкіе, черные глаза, которымъ, казалось, не нужно было и отодвигать ширмъ, они бы видѣли и черезъ бумагу. Но тогда, мы не видали бы! Нѣкоторыя женщины и, какъ я замѣтилъ, все хорошенькія, даже взбирались на крыши. Жаль, что трактаты велись не съ прекраснымъ поломъ. Тогда всѣ порта Японіи были бы открыты.

Но нельзя не отдать справедливости полиціи. Одинъ взмахъ вѣера чиновника, также дѣйствителенъ какъ прикосновеніе палочки полицмена въ англійскихъ колоніяхъ. Кстати, скажу два слова о вѣерѣ, который играетъ въ Японіи такую важную роль. Онъ—необходимая принадлежность путешественника, крестьянина, богатаго, бѣднаго, мужчины, женщины, ребенка, старика, солдата, священника, не исключая даже богоподобнаго Микадо. Всѣ ходятъ съ вѣеромъ въ рукахъ или за поясомъ. На вѣерѣ принимаются подарки, подается милостыня, онъ и магическій жезлъ чиновника, и, какъ и въ Европѣ, жезлъ кокетки. Вѣеръ у старшихъ священниковъ, есть знакъ ихъ власти, онъ не разлучается съ нимъ во время службы и проповѣди, и прикосновеніе имъ означаетъ благословеніе. Говорятъ даже, что на вѣерѣ приносится важному преступнику рѣшеніе суда, и онъ преклоняясь предъ этимъ вѣстникомъ смерти теряетъ голову. За то нигдѣ вѣера такъ не разнообразны, какъ въ Японіи.

Городъ, во многихъ мѣстахъ, пересѣкается рѣчками и канавами, берега которыхъ отгѣняютъ высокія плакучія ивы. Кругомъ города сады съ стелющимися грушевыми деревьями,

виноградомъ, персиками; между деревьями, гряды засѣяны рѣпой, лукомъ и горчицей. Картофеля мы не видали. Жители—рыбаки и моряки, также какъ и въ Хакодате и по всему берегу Японіи. Они смуглы, черноволосы, малаго роста и кажутся сильными. Тоже говоритъ Зибольдтъ, который, въ своемъ описаніи, дѣлитъ жителей Японіи на прибрежныхъ и внутреннихъ. Ловкость, смѣлость, постоянство, откровенность, угожденіе доходящее до покорности—вотъ, по словамъ его, характеристическія черты береговыхъ жителей. Внутренніе—больше ростомъ, съ широкой сплюснутой физиономіей, волосами темно рыжаго цвѣта и болѣе свѣтлымъ цвѣтомъ кожи. Они трудолюбивы, воздержны, набожны, радужны и гостепріимны. Къ этому нужно прибавить медленность, кажется главную черту характера Японцевъ. Это впрочемъ черты и прибрежныхъ жителей. Во всю нашу стоянку въ Хакодате, мы не могли пожаловаться на негостепріимство Японцевъ, пьяницъ видѣли чрезвычайно рѣдко. Набожны впрочемъ въ Хакодате только женщины.

Прибрежныя женщины также смуглы и многія изъ нихъ были бы очень привлекательныя, если бы, вѣроятно въ подражаніе внутреннимъ, онѣ не бѣлились и не румянились. И здѣсь мода, но только болѣе постоянная. Она не мѣняется съ каждымъ годомъ.

Около полдня на рейдъ пришелъ *Bali*. По его замѣчанію Ава-сима находится еще сѣвернѣе нашего, въ шир. $38^{\circ} 31' N$ и долготѣ $130^{\circ} 17' O$. Но мы увѣрились въ возможной вѣрности своего опредѣленія, потому что 12 числа черезъ $\frac{1}{2}$ часа, послѣ параллели южной оконечности Ава-сима мы, имѣя ходу $8\frac{1}{2}$ узловъ и идя на StW, пришли на параллель сѣверной оконечности Садо, лежащей въ $38^{\circ} 18'$. Широта Нигаты опредѣленная Голландцами съ судна, сходится съ нашей.

Послѣ полдня мы снялись съ якоря, чтобы осмотрѣть городъ Аосима-яма, около котораго есть входъ въ рѣку, и также съ баромъ въ 8 футъ.

Увѣрившись въ невозможности войти въ рѣку, мы тот-

часть же подняли якорь, и пошли осмотрѣть бухту Тойама. Весь берегъ, какъ выше такъ и ниже Нигаты, очень высокъ, особенно около Тойамы, гдѣ три снѣжные пика горы Сайяма, ясно видѣлись надъ облаками. Мы обошли восточный и южный берега бухты. Оба очень заселены, что можно было видѣть по огромнымъ деревнямъ, расположеннымъ по берегу, очень близко одна отъ другой. Въ бухту вливаются рѣки, но также съ барами, слѣдовательно, какъ и Нигата, не доступны для судовъ. Отсюда пошли къ N, уже не придерживаясь берега.

Рейдъ Нигаты не безопасенъ, потому что закрыть только отъ тихихъ южныхъ вѣтровъ, а открыть отъ W, N и NW, которые разводять страшную зыбь черезъ длину всего Японскаго моря и Татарскаго пролива. Правда, отъ этихъ вѣтровъ можно скрыться за Садо, особенно если торговля будетъ производиться паровыми судами, и тогда Нигата станетъ на ряду съ рейдами, стоянки на которыхъ сопряжены съ тѣми же неудобствами, но едва ли торговля условія этого города сравняются съ коммерческою важною послѣднихъ.

17-го числа, утромъ, въ широтѣ 38° 56', на N10 увидѣли островъ, принятый прежде нами за берегъ бухты Кича. Подойдя къ нему, въ юговосточной части увидѣли не глубоко вдавшуюся бухту съ 2 деревнями, въ которой и бросили якорь. Отъ жителей узнали, что это островъ Таби-Сима, не назначенный на картахъ Крузенштерна и Ричардса; но, какъ мы узнали въ послѣдствіи, поставленъ на американской картѣ 1855 года довольно вѣрно. По нашимъ наблюденіямъ на берегу, широта его оказалась 39° 09' 23', а долгота 139° 43' 07",5. Островъ совершенно плоскій, высотой около 200 футовъ, кругомъ обрывистъ и со сторонъ бухты приглубъ. Съ другихъ сторонъ окруженъ каменнымъ рифомъ, съ большими надводными скалами и камнями. Длина его около 1½ миль. Островъ покрытъ довольно густою растительностью, а на верху полями, засѣянными, маленькими участками, ячменемъ. Ни овощей, ни живности нѣтъ. Есть много ключей

съ отличной прѣсной водой. Жители кажутся очень бѣдны, питаются не богатой рыбной ловлей и, по обыкновенію всѣхъ Японцевъ, морской травой. 18-го числа снялись съ якоря и на другой день бросили якорь въ Хакодате.

Въ этомъ короткомъ осмотрѣ, мы убѣдились въ невѣрности картъ Крузенштерна и Ричардса (1857 года). На послѣдней, нанесены точно только болѣе выдавшіяся точки берега и нѣкоторые острова, а изгибы берега сняты съ картъ Крузенштерна же, совсѣми фантастическими бухтами и рейдами.

Н. К.

ИЗВѢСТІЕ ИЗЪ ЯПОНИИ.

(Извлеченіе изъ письма врача морскаго вѣдомства, при рускомъ консульствѣ въ Японіи, надворнаго советника Албрехта, изъ Хакодате, отъ 19 Іюля 1859).

Съ Апрѣля мѣсяца сего года, когда изъ Іедо я получилъ дозволеніе заниматься практикою, меня часто посѣщаютъ больные Японцы. Мнѣ удалось снискать довѣренность ихъ двумя случаями счастливаго излеченія водяной у больныхъ, которые безъ успѣха были лечимы японскими врачами. У насъ нѣтъ еще госпиталя для принятія больныхъ Японцевъ; мы сами пока еще остаемся помѣщенными въ одномъ храмѣ очень ограниченнаго пространства и мало есть надежды къ зимѣ переселиться въ дома, которые строятся консульствомъ. Къ тому же у меня нѣтъ и фельдшера, въ которомъ я сильно нуждаюсь, потому что до сихъ поръ самъ долженъ изготавлять лекарства.

Практика моя теперь состоитъ частію въ пользованіи приходящихъ въ мое жилище, частію же она поликлиническая. Съ первымъ приходомъ больныхъ Японцевъ, явился ко мнѣ и японскій врачъ, по желанію хакодатскаго губернатора, чтобы слѣдить за моею амбулаторною и поликлиническою прак-

тикою; въ послѣдствіи присоединились еще два японскихъ врача, которые и гостятъ у меня ежедневно. Такъ какъ пациентовъ является ко мнѣ много и мнѣ одному невозможно осматривать такое множество больныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ изготавлять для нихъ и лекарства, то я предоставляю часть больныхъ лечить японскимъ врачамъ подъ моимъ руководствомъ. Если имъ не достаетъ необходимыхъ для пользованія средствъ, то я отпускаю имъ оныя, изъ моеи аптеки. Изъ числа этихъ трехъ врачей одинъ только говоритъ не много по голландски и знаетъ довольно много употребительныхъ медикаментовъ, даже имѣетъ незначительное количество ихъ въ запасѣ. Съ этимъ послѣднимъ я занимаюсь спеціально. Между прочимъ, онъ у меня учится русскому языку, а я въ свою очередь учусь по японски. Каломель здѣсь въ большомъ злоупотребленіи, даже противъ чесотки даютъ его внутрь безъ всякихъ наружныхъ средствъ. Японскихъ медикаментовъ я доселѣ не испытывалъ, но не замедлю это сдѣлать. Въ японскихъ травяныхъ лавкахъ находится множество травъ и кореньевъ и разумѣется каждая травка имѣетъ у нихъ свое особое врачебное назначеніе. Являющіеся ко мнѣ пациенты, къ сожалѣнію, большею частію представляютъ самые застарѣлые, запущенные недуги, гдѣ уже рушилось искусство японскихъ врачей. Острые случаи болѣзней являются исключительно въ классѣ чиновническомъ. Чаше представляющіяся болѣзни: глазныя и сифились. Обѣ такъ поразительно распространены здѣсь, какъ я нигдѣ этого не видалъ; распутство женщинъ сильно распространено, о медицинской полиціи нѣтъ и помину.

Когда Японецъ получаетъ глазную болѣзнь и не помогаютъ ему боги, къ которымъ здѣсь часто прибѣгають при неизлечимыхъ болѣзняхъ, тогда онъ навѣрное теряетъ одинъ глазъ, если не оба. Я видѣлъ нѣсколько совершенно образовавшихся стафиломовъ и потемнѣній роговой оболочки, такъ что имѣю въ виду сдѣлать нѣсколько операций образованія искусственнаго зрачка. Главныя причины глазныхъ болѣзней: образъ жизни, часто и сифились. У себя дома, Японецъ обыкновен-

но сидить у мангала (посуда съ угольями), грѣя руки, или куря трубку, или же пьеть чай. Такимъ образомъ разгоряченный онъ выходитъ на воздухъ при всякой температурѣ, съ открытою головою, въ половину выбритою. Женщины брѣютъ себѣ и брови.

Противъ венерическихъ болѣзней дается чаще каюмель, рѣже сулема, безъ всякихъ предостерегательныхъ мѣръ; случаи костоѣды черепныхъ костей, нижней челюсти, позвонковъ, равно контрактуры колѣннаго и локтеваго суставовъ, встрѣчались мнѣ уже не разъ. Поэтому у меня въ большомъ употребленіи іодистый калий, который оказываетъ наилучшую пользу этимъ злощастнымъ, ртутью отравленнымъ, больнымъ. Обыкновеннѣйшею домашнею болѣзнію встрѣчается чесотка, даже и между лучшимъ сословіемъ.

О встрѣчаемыхъ здѣсь эпидемическихъ болѣзняхъ я еще не имѣю свѣдѣній. Кажется Хакодате, при открытомъ положеніи для вѣтровъ, не подверженъ вредному застою воздуха и вмѣстѣ съ этимъ можетъ быть избавленъ и отъ многихъ эпидемическихъ болѣзней.

Изъ метеорологическаго журнала моего, который у меня правильно ведется съ Января сего года, я вывелъ слѣдующіе результаты:

Ежедневное сост. термометра; баром. въ англ. полул.					
	средн.	наибол.	наимен.	выш.	низш.
Январь	—2,02	+4,5	—8	605,1	586
Февраль	1,7	7,2	6	607,7	582,8
Мартъ	+3,8	12,5	2	608,5	590,1
Апрѣль	7,45	16,5	+3	608,9	589,7
Май	10,4	18	5,2	603,2	590,4
Іюнь	13,07	19,8	7,2	600,5	587,3
Іюль (до 15 ч.)		21,8	14,5	603	591,7

Господствующіе вѣтры осенью и зимою западные, весною и лѣтомъ восточные. Эти послѣдніе сопровождаются туманами или дождями. Въ Маѣ было 10 дождливыхъ дней, въ Іюнѣ 15, въ Іюлѣ до 15 числа 8. Снѣгъ выпалъ уже въ Ноябрь, но настоящая зима началась въ Январѣ при множе-

ствѣ снѣга и замерзшихъ рѣкахъ. До сихъ поръ ни разу мы не имѣли еще грозы, за то три раза: 3 Января, 13 Февраля и 14 Апрѣля были легкія землетрясенія, обыкновенно при двухъ скоро слѣдующихъ одинъ за другимъ ударахъ и при направленіи отъ юга къ сѣверу.

ШТОРМЪ ВЪ ТИХОМЪ ОКЕАНѢ, ВЫДЕРЖАННЫЙ КЛИПЕРОМЪ
«ДЖИГИТЬ».

6 Августа 1859 года клиперъ «Джигитъ» вышелъ изъ Ванъ-Дименова пролива и лавировалъ въ ледо. Барометръ все это время стоялъ 30,07.

9-го числа въ полдень шир. N 31° 37', долг. O 134° 35'. Къ вечеру съ крѣпкимъ NO, барометръ началъ опускаться. Красное солнце садилось за тучи, окрашивая багровымъ цвѣтомъ лица, паруса, и сѣдые верхушки валовъ, которые брызгами обдавали носовую часть клипера. Сѣрые, низкіе облака, большими клочками неслись по вѣтру, рѣзко отдѣляясь отъ голубаго фона неба, покрытаго рѣдкой, розовой тканью другихъ неподвижныхъ облаковъ. Надъ волнами летали маленькія птички—вѣрные предвозвѣстники шторма.

При сильной противной зыби, клиперъ шелъ въ бейдевиндъ, подъ глухо зарифленнымъ марселемъ, двумя стакселями и триселями въ два рифа. Крупныя, неправильныя волны подступали со всѣхъ сторонъ, безпрестанно подавая черезъ бортъ, но клиперъ славно принималъ ихъ и гордо и красиво всходилъ на крутыя вершины, не позволяя дать себѣ ни одного грубаго толчка.

Темнѣло. Кругомъ и надъ головами нависли тяжелыя тучи. Барометръ опускался. Волненіе росло все выше, все неправильнѣе.

Такъ прошла ночь, не разрѣшаясь ничѣмъ, но какъ будто приготовляя насъ къ чему-то особенному. Закрѣпили марсель. Съ разсвѣтомъ 10 числа, вѣтеръ сдѣлался порыви-

стѣе; тучи сѣли еще ниже, казалось касались клокотковъ, которые чертили по нимъ фантастическія линіи.

Въ 8 часовъ барометръ 29,42. Вѣтеръ сначала зашедшій къ ОНО, сдѣлался снова NO. Порывы страшно сильны. По волнамъ, какъ по степи, горизонтально неслись густыя облака водяной пыли, которая кружилась вихрями и рѣзала лицо. Волны, около 18 ф. высоты, начали ходить черезъ клиперъ, обдавая рубку, барказъ и переливаясь черезъ другой бортъ. Изорвало форъ-стенъги-стаксель, а за нимъ и бизань. Ихъ тотчасъ же перемѣнили. Въ 10 часовъ, съ трескомъ, разлетѣлся въ клочки фокъ-стаксель. Пошелъ дождь ливнемъ.

Клиперъ остался подъ триселями въ три рифа. Любо было посмотрѣть, какъ легко онъ подымался на громадныя волны. То гордо, высоко вскинетъ носъ, то быстро погружится; казалось, вотъ—вотъ зароется, а онъ только прочертить, всей длиною утлегаря, по склону горы и опять станетъ прямо, а утлегарь дрогнетъ какъ будто отряхавшись отъ слѣдовъ неприятныхъ объятій. Трудно сказать, какъ велики были розмахи боковой качки. Насъ бросало, въ полномъ смыслѣ слова, какъ щепку, и зачастую, подвѣтренный планширъ прочертить по водѣ, и приподнявшись, всѣмъ лагомъ срѣжетъ волну, которая потомъ гуляетъ по палубѣ.

Съ разсвѣта еще, вѣтеръ безпрестанно мѣнялся и только въ полдень установился отъ NOtO. Барометръ 29,29. Въ 2 часа закрѣпили форъ-трисель и бизань, которую снова изорвало. Мы остались подъ однимъ, глухо зарифленнымъ, гротъ-триселемъ.

Въ 3 часа вѣтеръ пошелъ къ NO и NOtN. Барометръ 29,20. Мы все еще сомнѣвались на счетъ того, какого рода этотъ штормъ; вѣтеръ перемѣнялся слишкомъ медленно; но страшная сила порывовъ, быстрое паденіе барометра, колебанія его и волненіе прямо говорили, что насъ настигъ одинъ изъ незнакомыхъ еще, и рѣдкихъ здѣсь, урагановъ.

Стемпло. Мачты, паруса, все слилось въ какую-то однообразную, темную массу, застилающую глаза, и отъ которой свѣтлыми пятнами отдѣлялись, горяція фосфорическимъ

блескомъ, вершины волнъ. Серебрянные каскады обдають людей, шлюпки, орудія и, разсыпаясь у ногъ, долго блестятъ и играютъ на палубѣ, невольно заставляя забыть грозную обстановку.

Въ 9 часовъ вѣтеръ N10. Между порывами, затиши на нѣсколько секундъ. Мы увѣрились, что находимся въ лѣвой половинѣ урагана, который проходитъ почти на N. Намъ нужно было продолжать лежать въ дрейфѣ, покуда центръ урагана не пройдетъ у насъ передъ носомъ.

Около 10 часовъ—затишье между порывами продолжительнѣе. Въ одинъ изъ этихъ промежутковъ, продолжавшійся минуты двѣ, прочистилось небо и картину урагана освѣтилъ слабый лучъ луны. Полоса свѣта упала на палубу съ группами матросовъ; а темная масса, какъ будто боясь свѣта, отступила назадъ и стала стѣной передъ бупшпритомъ. На голубомъ фонѣ блеснула Большая мелвѣдица; она казалась менѣе и отдаленнѣе чѣмъ обыкновенно, и черезъ двѣ минуты скрылась во мракѣ, который снова охватилъ насъ.

Съ полуночи до 3 часовъ—самое низкое стояніе барометра—29,05. Вѣтеръ съ дождемъ и страшными порывами. Колебанія баром. до 0,13. Въ это время мы были въ самомъ близкомъ разстояніи отъ центра урагана.

Въ 4 часа вѣтеръ NNW. Барометръ подымается. Порывы по временамъ слабѣе. До 8 часовъ утра вѣтеръ шелъ къ NW, и становился замѣтно ровнѣе и слабѣе. Въ 8 часу, на вѣтрѣ, прочистило полосу яснаго неба, которая приближалась къ намъ. Она помогла намъ сдѣлать наблюденія.

Было 8 склянокъ. Барометръ 29,29. Волненіе замѣтно сглаживалось, и ровный вѣтеръ началъ быстро разносить облака.

Наконецъ открыли люки въ палубу, гдѣ душный, сырой воздухъ давилъ грудь. Все было мокро, вездѣ текло; палуба, особенно подъ носовыми орудіемъ и у фокъ-мачты, пропускала воду струями, такъ что Массѣва помпа должна была работать, безъ перерыва, цѣлые сутки,

Мы особенно боялись за фортъ-стенгу и фокъ-мачту

Ванты, вытянутые въ холодное время, въ Хакодате, очень ослабли и болтались бухтами, но марсовыя молодецки взлетѣли на марсъ, занесли стропы и заложили сей-тали. Не смотря на ихъ помощь, мачта и стеньга гнулись въ лучекъ, и, казалось, продлись штормъ еще лишній часть, мы не отдѣлялись бы такъ счастливо.

Послѣ 8 часовъ вѣтеръ сталъ отходить еще больше. Клиперъ управлялся и перемѣнялъ рваные паруса, а къ полудню уже летѣлъ по 10 узловъ, съ WSW-омъ, послѣднимъ порывомъ шторма.

Ураганъ прошелъ. Солнце снова садится за облака, которыя, на золотомъ фонѣ неба, рисуютъ то фантастическія развалины, то горы и острова. Иногда прорвется густой снопъ лучей, освѣтитъ мачты и паруса, отразится на веселыхъ лицахъ и разсыплетъ золото на едва пѣнящіяся волны, которыя играютъ съ кормой убѣгающаго клипера.

Въ настоящемъ случаѣ для избѣжанія центра урагана мы руководствовались сочиненіемъ Пиддингтона *Sailor's Horn Book*.

И. Казнаковъ.

ПИСЬМА ГАРДЕМАРИНА СЪ КОРАВЛЯ «ГАНГУДЪ».

Нѣмецкое море, 11/22 Сентября 1859 г.

Вотъ уже третій день какъ мы стоимъ на якорѣ въ Нѣмецкомъ морѣ въ виду Нордъ-Форланда; переходъ изъ Христианзанда до мѣста нашей стоянки совершили мы, благодаря Бога, благополучно: шли почти все время подъ парусами, хорошимъ попутнымъ вѣтромъ, но иногда сильно свѣжевшимъ, такъ что разъ мы принуждены были брать третій рифъ у марселей и подвигались впередъ не болѣе какъ по 2 узла въ часъ. Но, несмотря на подобныя задержки, на четвертый день плаванія, 9 Сентября, по причинѣ сильнаго ту-